

КАРЬЕРЫ И РЕКРУТИРОВАНИЕ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЭЛИТ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.3.2>.

EDN: PSLYGO

Д.Б. ТЕВ¹

¹ Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

ДИНАМИКА ПОСТДУМСКОЙ КАРЬЕРЫ В ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СФЕРЕ И БИЗНЕСЕ¹

Аннотация. Анализируется динамика карьеры депутатов Госдумы после ухода с должности. В качестве эмпирической основы исследования выступает биографическая база данных, которая содержит сведения о карьере после прекращения полномочий депутатов I—VII созывов. Исследование позволило выявить ряд тенденций посткарьеры. Во-первых, произошло сокращение доли переходов в федеральную администрацию, включая элитные (в частности, правительственные) посты. Во-вторых, возросла частота перемещений в легислатуры субъектов РФ и Совет Федерации. В-третьих, усилилось преобладание компаний частного сектора и повысилась роль собственного / семейного бизнеса как места работы экс-депутатов и одновременно ослабла их миграция на посты наемных менеджеров и в крупные корпорации. Автор заключает, что структура элитной постдумской занятости в госаппарате существенно изменилась: если выходцы из I и II созывов чаще всего занимали элитные позиции на федеральном уровне и в административных органах, то выходцы из VI и VII созывов — в основном на региональном уровне и в органах представительной власти. Также рассматриваются факторы, влия-

---

¹ Статья представляет собой переработанную версию более ранней публикации: [9].

ющие на динамику постдумской карьеры, такие как ослабление нижней палаты парламента по отношению к исполнительной власти, изменение порядка формирования СФ и рекрутования глав регионов, формирование конгруэнтной партийной системы, превращение «Единой России» в доминирующую партию, отказ от практики совмещения должностей в парламенте и правительстве, повышение возраста выбытия из Госдумы.

Ключевые слова: Государственная Дума, депутаты, карьера после ухода с должности, администрация, региональные легислатуры, Совет Федерации, бизнес.

Для цитирования: Тев Д.Б. Динамика постдумской карьеры в политико-административной сфере и бизнесе // Власть и элиты. 2025. Т. 12. № 3. С. 31–62. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.3.2>. EDN: PSLYGO

ВВЕДЕНИЕ

Значимость изучения постпарламентской карьеры и ее исторической динамики обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, такое исследование позволяет лучше понять особенности данной общественно-политической системы и ее эволюции, роль в ней различных институтов власти (включая, парламент, правительство, региональные администрации, бизнес) и характер их взаимоотношений в различные периоды, отражением и закреплением которых отчасти служат элитные карьерные траектории. В этой связи, говоря конкретнее, следует отметить, что важность проблеме динамики посткарьеры депутатов Госдумы придают значительные изменения, произошедшие в политической системе РФ, в организации различных властных институтов и отношениях между ними в период правления В.В. Путина. Среди них, в частности, ослабление ГД и усиление исполнительной и президентской власти, изменение порядка формирования СФ, централизация власти, трансформация партийной и избирательной систем. Все эти и другие тенденции могли существенно изменить структуру возможностей постдумской занятости, повлияв на привлекательность и доступность [13] тех или иных властных должностей для законодателей.

Во-вторых, знание карьеры парламентария после ухода с должности важно и для понимания его политического поведения во время осуществления полномочий. Перспективы будущей занятости

способны влиять на поведение представителей публичной власти, которые могут приспосабливать его к интересам потенциального работодателя, что иногда ведет к конфликту интересов, нанося ущерб государству и обществу [15, р. 357–358; 28, р. 134–156]. В-третьих, анализ динамики постпарламентской карьеры проясняет вопрос об устойчивости членства в элите в разные эпохи, а именно, о том, влечет ли за собой уход из парламента выпадение из властной элиты вообще или переход в элитные группы иной функциональной специализации или уровня. Наконец, исследование динамики постпарламентской карьеры необходимо и для оценки степени внутри — и межфракционной элитной интеграции в различные периоды, одним из показателей и одновременно факторов которой могут выступать переходы депутатов в другие властные группы, создающие динамические переплетения между ними.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В странах Запада проведен ряд исследований постпарламентской карьеры, говоря о результатах которых можно выделить четыре аспекта. Во-первых, раскрыта роль различных институциональных секторов как сферы постпарламентской занятости. Показано, что многие парламентарии после ухода с должности остаются в политico-административной сфере, в то же время весьма распространена занятость в частном, прежде всего коммерческом секторе. Так, исследование посткарьеры членов Конгресса США, избранных в 1947–1993 гг., выявило, что 35 % получили другую работу в политической сфере, а 52 % перешли в частный сектор [18, р. 360]. Другое исследование американских конгрессменов, ушедших в отставку в 1971–1992 гг., показало, что относительное большинство оказалось за пределами политической сферы, занявшихся частной юридической практикой или частным бизнесом. В то же время некоторые вошли в состав федеральной бюрократии или, гораздо реже, бюрократии штатов, а также перешли в лоббистскую сферу [22, р. 491]. В свою очередь, исследование германских и голландских парламентариев, покинувших должность (соответственно, в 1998–2013 гг. и в 1983–2015 гг.), установило, что немногим более 40 % перешли в публичный сектор, но большинство, чуть менее 60 %, — в частный [17]. Также исследование бывших членов

нижней палаты парламента Ирландии в период с 1989 по 2016 гг. выявило, что чуть менее 30 % перешли в различный бизнес (включая фермерство и мелкие фирмы), а примерно треть оказались в верхней палате, местных советах, политических партиях или органах публичной власти ЕС [12, р. 388].

Во-вторых, исследователей интересовало, в какой степени бывшие депутаты способны получать более или хотя бы столь же привлекательную (в плане власти, дохода и пр.) работу, в сравнении с парламентской должностью, как в политическом, так и в частном секторе. Исследование германских парламентариев, покинувших Бундестаг в 1998–2009 гг., показало, что примерно 12 % заняли более привлекательную позицию в частном секторе, а более 10 % — в публичном [32, р. 10]. Согласно данным исследования нидерландских парламентариев 1967–2017 гг., чуть более чем половине из них удалось занять более или столь же привлекательную позицию в плане зарплаты и примерно 45 % перешли на столь же или более привлекательные высшие должности (Top Functions) [31]. Наконец, по данным уже упомянутого исследования германских и нидерландских законодателей, среди тех из них, кто переместился в публичный сектор, почти 45 % перешли на более привлекательную должность, то же можно сказать о почти четверти тех, кто оказался в частном секторе [17]. В общем, несмотря на разные оценки, для значительной части парламентариев законодательная позиция служила трамплином к более привлекательным должностям.

В-третьих, большое внимание уделено факторам, влияющим на постпарламентскую занятость в различных сферах и, прежде всего, переход на более или столь же привлекательные (в сравнении с парламентской) позиции в них. Показано, что на перспективы постпарламентской занятости влияет тип ухода из легислатуры. Парламентарии, добровольно покинувшие ее, имея возможность остаться (переизбраться), чаще занимают привлекательные позиции, чем законодатели, покинувшие свой пост вынужденно, в результате поражения на стадии выдвижения или выборов, или по причине скандала (что вредит их репутации в глазах потенциальных работодателей), особенно в публичном секторе [17; 31; 32]. Кроме того, чаще переходят на привлекательные позиции депутаты, занимающие руководящие

посты в правительстве, легислатуре и партиях (они обычно имеют более широкие политические связи, ценные для потенциальных работодателей) [17; 32].

Что касается влияния партийной принадлежности парламентариев на постпарламентскую занятость, то результаты исследований неоднозначны. Некоторые исследования показали, что принадлежность как к правящей партии, так и к партии с дружественной бизнесу идеологией значительно не повышает вероятность работы на более привлекательной позиции в частном секторе после отставки [17; 32]. В то же время принадлежность парламентариев ФРГ к Левой партии, для многих членов которой характерны антикапиталистические взгляды, оказалась негативно связана с успешной посткарьерой в частном секторе [32]. Также анализ посткарьеры ирландских парламентариев показал, что бывшие депутаты от либеральных и консервативных партий гораздо чаще, чем депутаты от Лейбористской партии, работали в частном секторе [12]. В свою очередь, исследование британских парламентариев также выявило, что бывшим членам Палаты общин от Консервативной партии удавалось получать выгодные постпарламентские должности в бизнесе, а лейбористам — нет [19]. При этом другие британские авторы указывают на отсутствие значимых межпартийных различий по типу и сектору занятости после ухода из легислатуры [14]. Наконец, исследование итальянских депутатов установило, что представители левоцентристской коалиции (особенно когда она была правящей) вероятнее, чем правоцентристы, назначались в советы директоров госпредприятий, что обусловлено особенностями идеологии и предпарламентского опыта [25].

В-четвертых, собственно историческая динамика постпарламентской карьеры в развитых капиталистических демократиях изучена слабо, будучи, насколько известно, предметом всего одной, но важной статьи. Упомянутое исследование посткарьеры нидерландских парламентариев показало, что они все чаще перемещаются в частный сектор, причем все в большей степени способны занимать там более или столь же привлекательные (в сравнении с депутатской) позиции. Напротив, переходы на аналогичные позиции в политическом секторе происходят все реже (что, вероятно, связано со снижением относительного положения депутатов в политической сфере) [31].

Что касается России, то проведено исследование карьеры депутатов Госдумы (далее — ГД) после окончания полномочий, его предметом стали общие тенденции (в частности, показана широкая распространенность переходов в администрацию и бизнес, а также в Совет Федерации) [6]. В другой работе выполнен сравнительный анализ посткарьеры депутатов фракций «Единой России» и КПРФ в ГД IV–VI созывов, который выявил межфракционные различия. «Единороссы» чаще переходят в административные органы (обычно на элитные должности) и бизнес (заметное меньшинство входит в общенациональную экономическую элиту), а коммунисты чаще работают в аппарате представительных органов и заседают в региональных легислатурах, избрание в которые является для них основной возможностью сохранить властный статус и принадлежность к элите после ухода из ГД. Кроме того, показано, что особенности постдумской карьеры депутатов во многом связаны с их профессиональным опытом до вхождения в ГД [8]. Важный вклад в понимание факторов посткарьеры депутатов ГД в органах исполнительной власти внесло недавнее исследование А. Ширикова. Основываясь на материалах анализа биографий депутатов ГД 2004–2016 гг., он заключил, что сама по себе законодательная работа не связана позитивно с рекрутированием в эти органы, которому способствуют предшествующий членству в ГД профессиональный опыт и личные связи [30].

Несмотря на значимость исследований, проведенных на российском материале, в них практически не затрагивались историческая динамика постдумской занятости, эволюция посткарьеры депутатов от созыва к созыву. Восполнить этот пробел призвано данное исследование, целью которого служит выявление основных тенденций постдумской карьеры и факторов, их обуславливающих.

ДАННЫЕ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирической основой исследования служит биографическая база данных, содержащая сведения обо всех депутатах ГД I–VII созывов, которые выбыли из нее к концу 2023 г., за исключением тех, кто умер в должности и поэтому в принципе не мог иметь последующей карьеры (количественные характеристики базы отражены в табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Количественные характеристики исследуемой совокупности, чел.

Quantitative characteristics of the study population, people

Характеристика	I созыв	II созыв	III созыв	IV созыв	V созыв	VI созыв	VII созыв
Количество депутатов, выбывших из ГД (исключая умерших в должности)	296	320	252	252	258	311	246
Количество выбывших из ГД депутатов, о последующей карьере которых есть информация	234	228	213	201	218	237	199

Метод исследования можно определить как структурно-биографический, поскольку социально-профессиональная структура постдумской занятости депутатского корпуса изучалась в связи с биографией персон, его составляющих [1, с. 158]. На каждого из парламентариев была заполнена анкета, содержащая сведения о дате рождения, образовании и карьерном пути — как до избрания в ГД, так и после выбытия из нее. Источниками информации служили официальные сайты органов власти, коммерческих и других организаций, отчеты компаний, материалы СМИ, биографические интернет-порталы (viperson.ru, lobbying.ru), а также сервис проверки и анализа российских юридических лиц и предпринимателей Rusprofile.

При этом выявлялась и изучалась не вся карьера депутатов после окончания полномочий, а только их занятость в течение двух лет после отставки, то есть акцент делался на анализе того, трамплином к каким позициям была депутатская должность. Это вызвано тремя соображениями. Во-первых, можно предположить, что именно занятость в первые годы после ухода из ГД в наибольшей мере обусловлена спецификой сопряженных с думской позицией ресурсов, возможностей и амбиций. Во-вторых, исследование постдумской занятости в течение двух лет после ухода с должности (а не за более длительный период) позволяет сравнить ее после всех семи созывов, поскольку

после окончания VII созыва к моменту сбора данных прошло примерно два года. В-третьих, учет всех позиций, занимаемых бывшими депутатами в течение двух лет после отставки, представляется более предпочтительным, чем учет только первой должности после отставки, поскольку, с одной стороны, о ней чаще отсутствует информация, а, с другой, занятость на этой должности иногда носит весьма краткосрочный и, по существу, переходный характер.

В качестве исследуемых сфер занятости выступили административные структуры, представительные органы и бизнес, соответствующие трем основным фракциям властной элиты — административной, политической и экономической.

В целом сведения о работе бывших депутатов ГД на элитных и потому заметных властных должностях в этих сферах (члены СФ, депутаты региональных заксобраний, члены правительства и высокопоставленные федеральные чиновники, губернаторы, генеральные директора крупных компаний) сравнительно доступны. Их отсутствие в открытых источниках, скорее всего, означает, что парламентарий после выбытия из ГД такие позиции не занимал. Этого, однако, нельзя сказать о занятости на других, менее заметных позициях: второстепенных федеральных и региональных административных постах; должностях, особенно, неключевых, в средних и небольших компаниях и пр. Учитывая это, представляется целесообразным при дальнейших подсчетах принимать для элитных постдумских позиций в качестве N общее количество депутатов, покинувших ГД после каждого созыва, не исключая тех, какие-либо сведения о занятости которых после отставки обнаружить не удалось. Напротив, при анализе занятости в администрации и бизнесе в целом в качестве N предпочтительно принимать количество депутатов, о занятости (оплачиваемой или на общественных началах) которых в течение двух лет после ухода из ГД есть хотя бы минимальная информация (см. табл. 1). Но и здесь следует оговориться, что отсутствие в открытых источниках сведений о такой постдумской занятости далеко не обязательно означает, что эти данные носят скрытый, недоступный для исследователя характер. В частности, многие депутаты покидали ГД уже в сравнительно пожилом возрасте и, уйдя на пенсию, действительно могли не иметь последующей занятости.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Постдумская занятость в органах представительной власти

Одним из важнейших мест работы депутатов ГД после окончания полномочий являются другие органы представительной власти, причем, как показывает таблица 2, доля более или менее непосредственных переходов в них имеет тенденцию к росту: она минимальна после I созыва, а наиболее высока после VI и VII созывов (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Членство бывших депутатов ГД в органах представительной власти
(не считая возвратов в ГД) в течение двух лет после ухода
с должности (в %)

*Membership of former State Duma deputies in legislative bodies
(excluding returns to the State Duma) within two years after
leaving office (in %)*

Представительный орган	I созыв (N=296)	II созыв (N=320)	III созыв (N=252)	IV созыв (N=252)	V созыв (N=258)	VI созыв (N=311)	VII созыв (N=246)
Совет Федерации	1	5	1	2	4	9	6
Региональные законодательные собрания	2	2,5	8	6	10	14	14
Местные думы	0	~0,5	~0,5	1	3	2	1
Всего*	2	8	10	8	13	19	18

*Цифра в этой строке может быть меньше суммы цифр в предыдущих строках, поскольку бывший депутат в течение двух лет после выбытия из ГД мог состоять в представительных органах разного уровня.

Кроме того, следует отметить, что многие депутаты после отставки, хотя и не входят в состав законодательных органов, но занимают должности, обеспечивающие работу отдельных депутатов (помощники), фракций, комитетов и легислатур в целом (прежде всего, речь идет о самой ГД, но также о СФ и региональных заксобраниях).

Причем доля таких переходов, напротив, снижается: наиболее высока она после I созыва (14 %), а после VI–VII созывов — всего 6 %. Если, однако, суммировать опыт работы бывших депутатов в составе представительных органов (не считая возвратов в ГД) и на должностях, обеспечивающих их работу, то доля таких переходов имеет, хотя и прерывистую, тенденцию к росту, будучи наибольшей в VI и VII созывах. В этом смысле, можно говорить о растущей политической профессионализации посткарьеры депутатов ГД, которая во все большей мере происходит в рамках законодательной вертикали.

Членство в региональных легислатурах после выбытия из ГД

За счет каких позиций растет постдумское членство в представительных органах? Прежде всего, выраженную тенденцию к увеличению имеет доля переходов из ГД в региональные легислатуры — законодательные собрания (далее — ЗС), т.е. случаи нисходящей законодательной карьеры (тогда как переходы в местные думы остаются на довольно низком уровне). В первую очередь, следует сказать об общих факторах, влияющих на такие переходы. Многочисленность региональных законодательных позиций в условиях многосубъектной федерации; известность депутатов ГД в регионах, которые они представляют; их политические навыки (умение вести избирательные кампании и опыт парламентской работы); влиятельная позиция в партиях, связи в элитах — все это способствует рекрутированию в ЗС. С другой стороны, однако, типичная слабость постсоветских ЗС и преобладание в них неоплачиваемой, непрофессиональной занятости снижают привлекательность позиций в них. Вместе с тем такая занятость может быть удобна бывшим депутатам, перешедшим на основную работу в бизнес. Впрочем, депутаты ГД нередко занимают не рядовые позиции в ЗС, а руководящие посты — председателей комитетов, вице-спикеров и, в ряде случаев, больше всего их — шесть — было после VII созыва, спикеров, которые чаще всего предполагают оплачиваемую, постоянную занятость, более престижны и влиятельны.

Говоря о факторах роста распространенности посткарьеры депутатов ГД в ЗС, следует отметить ряд моментов. Во-первых, в 2000-е гг.

в России произошел переход от территориально неконгруэнтной к конгруэнтной партийной системе. В связи с законодательными изменениями (введением пропорциональной системы, предоставлением партиям монопольного права выдвижения кандидатов, запретом региональных партий) общенациональные парламентские партии получили возможность массово проводить своих кандидатов не только в ГД, но и в региональные легислатуры (чьи депутаты ранее были в основном беспартийными) [3; 5, с. 16–17]. Причем доминирующую роль в партийной системе и в составе легислатур (ГД и ЗС) стала играть партия «Единая Россия» с централизованным способом отбора кандидатов [29, р. 14]. Все это благоприятствовало миграции законодателей между различными уровнями представительной власти и формированию интегрированного (в отличие от доминировавшего в 1990-е гг. альтернативного) паттерна законодательной карьеры [29]. В этой связи следует, однако, отметить, что, в частности, в III созыве росту числа случаев нисходящей законодательной карьеры могла способствовать и высокая доля выходцев из фракции КПРФ: этой партии раньше многих других удалось совместить возможность относительно успешно продвигать своих кандидатов на федеральный и региональный уровни законодательной власти.

Во-вторых, следует особо сказать о том, что непосредственным переходам из ГД в ЗС (как и обратному движению) способствовало введение в 2005 г. единого дня голосования, благодаря которому депутаты могут одновременно баллотироваться в ГД и ЗС. Количество ЗС, выборы которых проводились одновременно с выборами в Думу, росло: в 2003 г. их было 7, в 2007 г. — 9, в 2011 г. — 27, в 2016 и 2021 гг. — уже 39.

В-третьих, обусловленное двумя вышеуказанными факторами расширение прямого рекрутования депутатов ГД из ЗС (среди выходцев из I созыва менее чем каждый десятый имел такой опыт, а в VII созыве — 30 %) оказывает и самостоятельное влияние. Во всех созывах депутаты ГД, перешедшие в ЗС, чаще имели предшествующий избранию в нижнюю палату опыт работы в них. Наличие опыта успешной избирательной борьбы и законодательной деятельности на региональном уровне, а также сформировавшихся в период работы в ЗС связей в региональных элитах, вероятно, способ-

ствует переходам (возвратам) в легислатуры субъектов РФ после ухода из ГД.

Вместе с тем, в отличие от рассмотренных выше факторов, в противоположном направлении может действовать ослабление роли ЗС в 2000-е гг. В 1990-е гг., несмотря на, в целом, второстепенность ЗС по отношению к губернаторам, некоторые из них были автономны от глав регионов и даже оппозиционны им, а их спикерам иногда удавалось избраться на пост губернатора, победив инкумбента. В период правления В.В. Путина вместе с усилением контроля федерального центра над регионами происходит концентрация власти внутри региональных политических систем в руках губернаторов, которым ЗС оказываются обычно полностью подконтрольны [11; 20], что может ослаблять привлекательность позиций в них для депутатов ГД.

Переходы из ГД в Совет Федерации

Гораздо реже депутаты переходят в СФ, но, как показывает таблица 2, доля таких случаев также растет (впрочем, со значительными откатами): она минимальна в I и III созывах и наиболее высока в VI и VII. В целом, немногочисленность мест в СФ, в сравнении с позициями в ЗС, администрации и бизнесе, обостряя конкуренцию за них, ограничивает возможности такого продвижения. Однако привлекательность позиций в верхней палате снижает то, что после удаления оттуда губернаторов и спикеров ЗС она превратилась в довольно слабый, полудекоративный орган [26, р. 65]. Но, с другой стороны, сенаторские посты — выгодные синекуры. Они щедро вознаграждаются (в плане социальных гарантий сенаторы, как и депутаты ГД, приравнены к федеральным министрам), а занятость в СФ, особенно на рядовых позициях, не слишком обременительна.

Говоря о факторах роста переходов в сенат, следует отметить, что немного увеличивается доля депутатов, имеющих предшествующий работе в ГД опыт членства в СФ, наличие которого иногда, вероятно, способствовало посткарьере в СФ. Важнее, однако, то, что изменение в начале 2000-х гг. порядка формирования СФ, замена губернаторов и спикеров на делегатов региональных властей, работающих на посто-

янной основе, способствовало расширению доступа депутатов ГД в верхнюю палату. Во второй половине 1990-х гг. депутат ГД мог стать членом СФ, только предварительно избравшись главой региона или его ЗС. Это иногда происходило: относительно широкий приток в верхнюю палату из II созыва связан с тем, что целый ряд его депутатов был избран губернаторами и, по должности, получил место сенатора. После замены глав региональных властей на их представителей порядок делегирования менялся (обзор изменений законодательства см.: [7, с. 59]). До января 2011 г. депутаты ГД могли быть прямо делегированы в СФ, минуя субнациональные легислатуры, а с января 2011 г. они должны были предварительно избраться депутатами регионального или муниципального уровня. Впрочем, уже в октябре 2011 г. депутаты ГД, избранные по партийному списку от данного региона, получили право прямо становиться его сенаторами. Но уже с 2013 г. введен новый порядок, согласно которому представителем региональной легислатуры в СФ может быть только ее депутат. Однако от представителя губернатора, если последний избран населением, этого не требуется, а если он избран ЗС, то его представителем в СФ может стать не только депутат ЗС, но и депутат ГД, избранный по партийному списку от данного региона. Таким образом, после замены в СФ губернаторов и спикеров на их представителей доступ депутатов ГД в верхнюю палату облегчился: даже если они должны были предварительно избраться депутатами субнациональных легислатур (что требовалось далеко не всегда, особенно от посланцев губернаторов), то это условие было выполнить относительно несложно, учитывая их известность в регионах, высокие позиции в партиях и связи в элитах.

Административные органы как место работы экс-депутатов ГД

Административные структуры — одно из самых распространенных мест работы после ухода из ГД. Причем, как показывает таблица 3, наибольшее значение имеют федеральная и региональная администрации (тогда как переходы на местный уровень редки в течение всего периода, несколько повышаясь в VII созыве), однако миграция в них обнаруживает разные тенденции (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Работа бывших депутатов ГД в административных органах**в течение двух лет после ухода с должности (в %)***Work of former State Duma deputies in administrative bodies
within two years after leaving office (in %)*

Уровень администрации	I созыв (N=234)	II созыв (N=228)	III созыв (N=213)	IV созыв (N=201)	V созыв (N=218)	VI созыв (N=237)	VII созыв (N=199)
Федеральная	21	17	11	8	13	6	5
Региональная	12	13	10	11	18	11	15
Местная	2	2	1	2	1	2	4
Всего*	32	31	22	20	32	18	22

*Цифра в этой строке может быть меньше суммы цифр в предыдущих строках, поскольку бывший депутат в течение двух лет после выбытия из ГД мог занимать должности в административных органах разного уровня.

Посткарьера в ФА

В целом, наблюдается сокращение доли переходов депутатов в федеральную администрацию (далее — ФА): максимума она достигает среди выходцев из I и II созывов, а после VI и VII опускается до минимума (кстати, именно за счет ФА происходит снижение совокупной миграции в административные структуры). Причем, как показывает таблица 4, та же понижательная тенденция обнаруживается и в отношении элитных федеральных административных и, в частности, правительственный должностей (больше всего переходов в правительство из I и II созывов, а из VI и VII — ни одного).

Говоря о факторах, обусловливающих эту динамику, нужно коснуться предшествующей вхождению в ГД карьеры в ФА, поскольку в ее ходе могут формироваться связи и компетенции, облегчающие переходы туда после выбытия из ГД. Доля непосредственных выходцев из ФА среди депутатов падает, будучи максимальной (примерно каждый седьмой) в I созыве и достигая минимума в VII (3 %). Впрочем, далеко не во всех созывах депутаты, оказавшиеся в ФА после ухода с должности, чаще имели непосредственно предшествующий членству в ГД опыт работы в ней (хотя среди них во всех созывах был шире распространен общий, включая косвенный, предшествующий опыт).

Таблица 4 (Table 4)

**Работа бывших депутатов ГД на элитных должностях
в административных органах федерального и регионального уровня
в течение двух лет после ухода с должности (в %)**

Employment of former State Duma deputies in elite positions in administrative bodies at the federal and regional levels within two years after leaving office (in %)

Тип должностей	I созыв (N=296)	II созыв (N=320)	III созыв (N=252)	IV созыв (N=252)	V созыв (N=258)	VI созыв (N=311)	VII созыв (N=246)
Федеральные элитные*	8	8	2	4	4	2	2
В т.ч. члены правительства	2	2	0	~0,5	1	0	0
Региональные элитные**	6	7	7	5	11	7	9
В т.ч. губернаторы	~0,5	4	4	2	2	4	3
Федеральные и региональные элитные	15	14	9	9	15	9	11

*К федеральным элитным отнесены должности уровня заместителя руководителя федерального органа исполнительной власти (министерства, агентства, пр.) и выше, руководителя департамента аппарата правительства или управления АП и выше, помощника и советника президента РФ, чрезвычайного и полномочного посла РФ в иностранном государстве.

**К региональным элитным отнесены должности губернатора, председателя правительства и их заместителей, а также руководителей региональных органов исполнительной власти (министров и равных им).

Вообще возвраты в администрацию (все уровней) из ГД гораздо сложнее, чем, например, в бизнес (над которым можно, будучи депутатом, сохранять контроль в качестве собственника или передать на время права собственности и/или управленческие функции членам семьи) и научно-образовательную сферу (по закону можно совмещать некоторые позиции в академических учреждениях с депутатством).

Важным фактором, который может обуславливать уменьшение частоты переходов из ГД в ФА (и наоборот) является ослабление

парламента в 2000-е гг., в условиях консолидации персоналистской автократии [4, с. 99]. Несмотря на второстепенную в целом роль парламента после 1993 г., во второй половине 1990-х гг. ГД была относительно самостоятельной и могла отчасти влиять на состав правительства [23, р. 193–182]. Яркий пример — кабинет Е.М. Примакова, куда вошли сразу несколько депутатов, включая выходцев из оппозиционных фракций (например, Ю.Д. Маслюков из фракции КПРФ стал министром промышленности и торговли и первым вице-премьером). Для периода правления В.В. Путина в целом характерно фактическое отсутствие контроля ГД над федеральной исполнительной властью, включая формирование и функционирование правительства, в то время как сама ГД оказалась под прочным контролем главы государства посредством «партии власти» ЕР. Следствием и формой проявления этого изменения баланса сил между законодательной и исполнительной властями на федеральном уровне может быть уменьшение значимости ГД как канала рекрутования министров и других ключевых федеральных чиновников и, соответственно, снижение доли переходов депутатов в ФА. С другой стороны, ослабление ГД снижало привлекательность парламентских позиций для высокопоставленных федеральных чиновников, что могло вести к уменьшению доли депутатов с предшествующим опытом работы в ФА, наличие которого, как уже отмечалось, иногда может способствовать переходам туда после отставки. Впрочем, влияние ослабления парламента неоднозначно: все большее сосредоточение реальной власти в ФА, вероятно, усиливало привлекательность переходов в нее для самих депутатов.

Кроме того, важно отметить, что на посткарьере депутатов в ФА, а конкретнее, в составе кабинета министров, могло существенно сказаться и изменение правовых норм, регулирующих занятость в ГД и правительстве. Во время работы ГД I созыва допускалось совмещение правительенной и парламентской позиций, и в ряде случаев министры избирались в ГД, сохраняя свою должность, а после окончания депутатских полномочий продолжали работать в правительстве. Например, министр экологии и природных ресурсов В.И. Данилов-Данильян и министр труда Г.Г. Меликьян. В дальнейшем такая практика не допускалась, что ослабило привлекательность думских позиций для членов правительства.

Среди возможных факторов, обуславливающих изменение доли переходов из ГД в ФА (как и в административные органы в целом), следует упомянуть и увеличение процента пожилых (60 лет и старше) выходцев из нижней палаты (в I их было 9 %, в VII — 39 %). Это может сужать доступ депутатов в ФА, в силу установленного законом предельного возраста пребывания на госслужбе (который, однако, повышенлся и, кроме того, не относится к лицам, занимающим государственные должности, включая членов правительства). Кроме того, проблемы со здоровьем, связанные с возрастом, могут ограничивать возможности посткарьеры в административной сфере. Показательно, что среди депутатов, покинувших ГД в возрасте 60 лет и старше, доля тех, о последующей работе которых на административных постах (включая федеральные) есть сведения, ниже, чем во всей совокупности.

Посткарьера в РА

Как видно из таблицы 3, доля переходов из ГД в региональные администрации (далее — РА) не показывает отчетливой тенденции: наиболее велика она в V и VII созывах, а минимума достигает в III и IV. В целом значимость РА как канала посткарьеры депутатов неудивительна. В многосубъектной федерации число региональных административных позиций довольно велико, что облегчает доступ к ним. Доступу к данным позициям также способствует известность депутатов в регионах, которые они представляют, их связи в элитах разного уровня (включая региональные) и в партиях.

Говоря о факторах, обуславливающих динамику переходов в РА, нужно отметить, что формирование в 2000-е гг. территориально конгруэнтной партийной системы с доминирующей партией «Единая Россия» могло благоприятствовать переходам депутатов ГД не только в ЗС, но и в РА. Вообще, превращение (начиная с IV созыва) ЕР в основной поставщик депутатов ГД и выходцев из нее могло позитивно влиять на долю переходов из ГД в РА (как и в административные органы иного уровня), благодаря тесным связям этой партии с бюрократией. Примечательно, что данные предыдущего исследования посткарьеры депутатов ГД IV–VI созывов показывают, что парламентарии ЕР гораздо чаще переходят в РА и административные органы вообще, чем представители умеренно оппозиционной КПРФ,

доля которых была особенно велика среди выходцев из II, III и VI созывов [8].

Кроме того, отмеченное выше сужение в 2000-е гг. доступа в ФА могло усиливать привлекательность позиций в РА для депутатов, хотя, с другой стороны, ослабление, в условиях централизации власти, автономии РА от федерального центра могло снижать привлекательность работы в них. Вдобавок, как и в случае с ФА, негативное влияние на динамику переходов в РА могло оказывать и упомянутое увеличение доли пожилых выходцев из ГД.

Наконец, как и в случае с ФА, самостоятельное значение может иметь и распространенность среди депутатов предшествующего опыта работы в РА и соответствующих связей и компетенций, которые могут иногда способствовать переходу туда из ГД. Надо сказать, что доля прямых выходцев из РА колеблется (наиболее велика она среди депутатов, выбывших из IV и V созывов). Впрочем, не во всех созывах депутаты, перешедшие в РА, чаще имеют предшествующий опыт работы в ней.

Что касается должностей, на которые переходят депутаты ГД, то, как показывает таблица 4, занятость на элитных позициях не показывает однозначной тенденции, но немного растет, встречаясь чаще всего после V и VII созывов (среди совокупности депутатов, покинувших I-III созывы, она составляет 7 %, а V-VII — 9 %). Говоря отдельно о постах губернаторов, следует отметить, что больше всего перемещений на них из II, III и VI созывов (соответственно, 13, 10 и 11 человек), а после I — всего один случай. Падение числа переходов в губернаторы произошло в IV и V созывах. Их депутаты выбыли из ГД, соответственно, к концу 2007 и 2011 гг., то есть в период, когда губернаторы назначались. Представляется, что при назначении глав регионов для кандидатов на этот пост, вероятно, особенно важны связи в ФА и, как следствие, у выходцев из нее больше шансов стать губернаторами. Тогда как при выборах губернаторов особое значение для кандидатов приобретают умение успешно вести избирательные кампании (и, вообще, политические навыки) и широкая известность среди избирателей региона, которыми могут обладать депутаты ГД. Соответственно, у них, вероятно, больше возможностей возглавить регион. В этой связи следует отметить, что относительно демократи-

ческие выборы губернаторов в 1990-е — начале 2000-х гг. давали возможность оппозиционным депутатам избираться на этот пост. В ряде случаев во II и III созывах на выборах губернаторов побеждали депутаты ГД от левой оппозиции (КПРФ и НПСР). В качестве примеров можно привести Ю.Е. Лодкина (Брянская область), А.Н. Михайлова (Курская область), В.Н. Сергеенкова (Кировская область) и А.Л. Черногорова (Ставропольский край). Кстати, при прочих равных условиях, учащение переходов депутатов на посты губернаторов может способствовать и росту их миграции на другие посты в РА (хотя такого соответствия по созывам не обнаруживается). Ведь знакомства, связи, доверительные отношения депутатов с их коллегами, которые стали губернаторами, могут выступать вытягивающим фактором рекрутования (так, например, после назначения депутата В.С. Груздева губернатором Тульской области его заместителем стал депутат Ю.Г. Медведев, а другие должности заняли депутаты А.В. Коржаков и Ю.А. Песковская).

Посткарьера депутатов ГД в коммерческих организациях

После политico-административной сферы важнейшим местом работы бывших депутатов ГД является бизнес. Как показывает таблица 5, доля переходов в бизнес вообще и прежде всего на ключевые позиции существенна во всех созывах, но значительно колеблется, снижаясь в VII созыве и не показывая явной тенденции (см. табл. 5). Перспектива посткарьера в бизнесе, типичность таких переходов из ГД может вести к конфликту интересов, побуждая депутатов приспосабливать свое поведение к интересам коммерческих организаций в ущерб государству и обществу.

При анализе динамики переходов депутатов в бизнес так же, как и в другие сферы, важен учет их предшествующего опыта. Доля непосредственного рекрутования с ключевых позиций в бизнесе в ГД наиболее велика в V и VI созывах (около трети). В них же больше всего тех, кто после окончания полномочий работал на ключевых позициях в бизнесе. В то же время наиболее низка доля прямых выходцев с ключевых позиций в бизнесе в I и VII созывах (порядка одной пятой), которые находятся в тройке аутсайдеров по переходам на ключевые позиции в компаниях. При этом для всех созывов характерно

Таблица 5 (Table 5)

Работа бывших депутатов ГД в коммерческих организациях**в течение двух лет после ухода с должности (в %)***Work of former State Duma deputies in commercial organizations
within two years after leaving office (in %)*

Тип позиции	I созыв (N=234)	II созыв (N=228)	III созыв (N=213)	IV созыв (N=201)	V созыв (N=218)	VI созыв (N=237)	VII созыв (N=199)
Любая	23	29	20	27	26	24	20
Ключевая*	18	22	16	22	23	23	18

*К ключевым отнесены позиции президента, председателя правления, генерального директора и их заместителей, члена совета директоров, директора по направлению, а также индивидуального предпринимателя.

то, что депутаты, перешедшие на такие позиции в бизнес, чаще других имеют предшествующий опыт работы на них. Так что приобретенные в ходе предшествующей вхождению в ГД карьеры в бизнесе навыки и связи, вероятно, способствуют переходам туда после отставки. Кроме того, на колебания доли переходов в бизнес могла влиять и варьирующаяся от созыва к созыву партийность депутатов. Так, выходцы из лево-оппозиционной фракции КПРФ, которых было особенно много во II, III и VI созывах, реже переходили в бизнес [см. также: 8], а, например, выходцы из праволиберальной фракции СПС, относительно многочисленные в III созыве, напротив, чаще.

В какой бизнес переходят депутаты? Говоря о форме собственности, следует отметить, что во всех созывах, доминируют переходы в частный сектор в сравнении с госпредприятиями, причем эта тенденция склонна к усилению, особенно проявляясь в VI и VII созывах. Депутаты переходят как в собственный / семейный бизнес (включая ИП), так и на должности наемных сотрудников. Причем доля переходов (часто — возвратов) в первый скорее растет (с V созыва большинство депутатов, оказавшихся в бизнесе, перешли именно в собственные / семейные фирмы). Что касается наемных сотрудников, то в VI–VII созывах доля таких переходов особенно мала (5–7 %). Вообще, востребованности депутатов в фирмах в качестве наемных сотрудников способствуют, с одной стороны, их связи с действующими политика-

ми и чиновниками и доступ к ним (кстати, благодаря связям с чиновниками, депутаты могут получать места в руководстве государственных компаний) и, с другой, их осведомленность о механизме функционирования государственной системы, действующем законодательстве и пр. [27]. Наличие таких менеджеров может повышать лоббистский потенциал компаний, а политические связи фирм в форме присутствия в их руководстве выходцев из госорганов могут позитивно влиять на накопление капитала, хотя данные исследований неоднозначны [2; 21; 24]. Однако следует отметить, что ослабление парламента в период правления В.В. Путина, упадок его самостоятельной роли в политике могли способствовать снижению ценности для компаний парламентского лоббирования [16, р. 733] и, соответственно, связей в ГД, а, следовательно, и востребованности депутатов (в сравнении с чиновниками) в качестве наемных менеджеров. Впрочем, с другой стороны, в 2000–2010-е гг. в крупном бизнесе происходила институционализация GR-функции [10, с. 329], что могло повышать спрос на государственных деятелей, включая депутатов, и число доступных им должностей. В качестве примеров политиков, перешедших на GR-позиции, можно привести выходцев из IV созыва Н.Б. Азарову («Главстрой») и V созыва М.И. Гришанкова («Газпромбанк») и В.К. Маркова («Газпром»).

Говоря о размере компаний, нужно отметить, что в целом доля переходов в крупный бизнес (высокие позиции в нем особенно привлекательны, поскольку щедро вознаграждаются и дают значительную власть), невелика, но существенно колеблется по созывам. Выше всего во II и IV созывах (примерно каждый десятый), она затем снижается, опускаясь до минимума в VI и VII созывах (хотя трудно сравнивать эту долю в разное время в силу отсутствия единообразных рейтингов компаний). Наконец, в отраслевом разрезе, в I–III созывах больше всего переходов в финансовые структуры (особенно влиятельные и сильно зависимые от государства в 1990-е гг.), прежде всего банки. Из I созыва довольно много переходов в могущественный в то время частный и государственно-частный медиабизнес (в т.ч. контролируемый «олигархами» Б.А. Березовским и В.А. Гусинским). В I созыве также больше всего переходов в АПК, что во многом связано с присутствием многочисленной фракции АПР, выходцы

из которой возвращались в те сельхозкооперативы, где работали до ГД. Нефтегазовая промышленность как сфера, принимающая депутатов, особенно значима во II созыве. В 2000-е гг., когда начинается экономический рост, важнейшим сектором, в котором оказываются бывшие депутаты, становятся компании, занимающиеся недвижимостью, developmentом, строительством, производством и торговлей стройматериалами (эти отрасли, сильно зависимые от государства — в плане доступа к земельным участкам, подрядов и пр. — являются также и важным поставщиком депутатов).

Посткарьера депутатов ГД: устойчивость членства во власти элите

Какой, в совокупности, части выходцев из ГД удается сохранить принадлежность к власти элите и в том числе использовать парламентский пост как трамплин к более привлекательным властным позициям, и какова динамика этого показателя? Если говорить об элитных должностях в органах государственной власти федерального и регионального уровней (высокопоставленные деятели АП и органов исполнительной власти, члены СФ, депутаты ЗС, ключевые чиновники ЦБ, Генпрокуратуры и Счетной палаты, члены ЦИК, уполномоченный по правам человека), то, как показывает таблица 6, в целом, переходы на них стали распространеннее (с одной пятой до примерно 30 %). Причем, как мы видим, при учете ключевых позиций в крупных компаниях общенационального масштаба (то есть членов экономической элиты РФ) тенденция сохранится (см. табл. 6).

Однако состав элитных позиций (как по уровню, так и по институциональной принадлежности), занимаемых бывшими депутатами, варьируется во времени. Рост устойчивости членства во власти элите произошел, прежде всего, за счет уже отмеченного учащения переходов в ЗС (то есть нынешней законодательной карьеры) и СФ, в то время как переходы в административную элиту в целом стали скорее более редкими. Причем если мы учтываем только федеральные элитные административные посты и посты губернаторов (это государственная должность РФ), то переходы на такие позиции, которые в плане власти можно считать более привлекательными, чем позиция депутата ГД, также стали более редкими: больше всего их из II созыва

Таблица 6 (Table 6)

**Работа бывших депутатов ГД на элитных властных позициях
 (не считая возвратов в ГД) в течение двух лет после ухода
 с должности (в %)**

Work of former State Duma deputies in elite power positions (not counting returns to the State Duma) within two years after leaving office (in %)

Типы позиций	I созыв (N=296)	II созыв (N=320)	III созыв (N=252)	IV созыв (N=252)	V созыв (N=258)	VI созыв (N=311)	VII созыв (N=246)
Элитные должности в госуда- рственных органах федераль- ного и региональ- ного уровня и крупных компаниях	23	21	23	23	31	32	31
В т.ч.							
Элитные должности в госуда- рственных органах федераль- ного и региональ- ного уровня	20	19	21	19	29	31	29
В т.ч.							
Элитные должности в федеральных госуда- рственных органах	12	14	7	8	10	13	9
Элитные должности в региональ- ных госуда- рственных органах	8	9	14	12	21	21	24

(12 %), а затем они не превышали 5–7 % случаев. Также хотя переходы в региональную политico-административную элиту стали происходить значительно чаще (как видно из таблицы 6, в VII созыве они характерны для почти четверти депутатов, в сравнении с менее одной десятой выходцев из I и II созывов), но переходы на элитные позиции в федеральных государственных органах в целом не обнаруживают такой тенденции. Таким образом, произошел существенный сдвиг в посткарьере: если элитные властные позиции, которые занимали выходцы из I и II созывов чаще относились к административной сфере и федеральным органам, то элитные позиции, которые занимали выходцы из VI и VII созывов, в основном принадлежали к региональному уровню и к законодательной сфере.

Впрочем, при всех различиях между созывами, общим остается то, что лишь меньшинству выходцев из ГД удавалось оказаться в элите государственной власти федерально-регионального уровня и тем более перейти на более привлекательные, в сравнении с парламентской, позиции. Причем, как уже говорилось, эта цифра лишь немного возрастет при учете ключевых постов в крупных в общероссийском масштабе компаниях (хотя следует помнить, что некоторая часть депутатов переходила в руководство крупных в региональном масштабе фирм, но такие случаи трудно учесть строго при отсутствии единобразных региональных рейтингов бизнес-структур).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ исторической динамики посткарьеры депутатов ГД позволил сделать ряд выводов о ее основных тенденциях, обусловленных изменениями в политической системе, в структуре политических возможностей, повлиявшими на доступность и привлекательность различных властных позиций.

Во-первых, частота переходов депутатов ГД в другие представительные органы растет, прежде всего за счет миграции в региональные ЗС. Распространению такой практики (и вообще интегрированного паттерна законодательной карьеры) способствовали переход в 2000-е гг. к конгруэнтной партийной системе и создание доминирующей партии «Единая Россия». Кроме того, позитивно могло сказаться и введение в 2005 г. единого дня голосования, благодаря которому депутаты могли

одновременно баллотироваться в ГД и ЗС. Также самостоятельное значение могло иметь расширение рекрутования депутатов ГД из ЗС: наличие опыта успешной избирательной борьбы и законодательной деятельности на региональном уровне, а также связей в региональных элитах, вероятно, способствует переходам (возвратам) в ЗС.

Во-вторых, частота переходов депутатов в СФ также имеет, хотя и прерывистую, тенденцию к росту, причем расширению доступа депутатов в СФ способствовало изменение в начале 2000-х гг. порядка его формирования. Эта тенденция, как и растущее рекрутование депутатов ГД из СФ может усиливать сплоченность федеральной законодательной элиты.

В-третьих, наблюдается сокращение доли их переходов в ФА, включая элитные и, в частности, правительственные посты. Эта тенденция отражает ослабление парламента по отношению к исполнительной власти в условиях консолидации персоналистской автократии. Кроме того, на посткарьере депутатов в правительстве негативно сказался отказ от практики совмещения парламентских позиций с должностями членов кабинета, которые в ряде случаев избирались в ГД I созыва, сохраняя свой пост, а после выбытия из нее продолжали работать в правительстве. Наконец, увеличение доли пожилых выходцев из ГД также могло сужать возможности трудоустройства в ФА.

В-четвертых, доля переходов из ГД в РА не показывает отчетливой тенденции: наиболее велика она в V и VII созывах, а меньше всего в III и IV. Формирование в 2000-е гг. территориально конгруэнтной партийной системы может позитивно влиять на посткарьере депутатов в РА. Также сужение доступа в ФА могло усиливать привлекательность региональных должностей, хотя ослабление в условиях централизации автономии РА могло влиять в обратном направлении. Кроме того, доминирование с IV созыва в ГД «партии власти» ЕР, тесно связанной с бюрократией, могло способствовать переходам в РА (как и административные органы в целом), тогда как рост доли пожилых выходцев из ГД — влиять в противоположном направлении. Говоря о постдумской занятости на элитных позициях в РА, нужно отметить, что она имеет несильно выраженную тенденцию к расширению. Что же касается отдельно постов губернаторов, то на их рекрутование из депу-

татов ГД негативно повлияла практика назначения глав регионов в 2005–2012 гг., когда число таких случаев было особенно мало.

В-пятых, на протяжении всего постсоветского периода важнейшим после политico-административной сферы местом работы бывших депутатов является бизнес. Доля переходов туда значительно колеблется, не показывая явной тенденции. Перспектива посткарьеры в коммерции может вести к конфликту интересов, побуждая депутатов приспосабливать свое поведение к потребностям бизнеса в ущерб государству и обществу. Переходам в бизнес, по-видимому, способствует наличие предшествующего опыта работы в нем. Говоря о типе компаний, принимающих депутатов, следует отметить рост доминирования частного сектора и доли переходов (возвратов) в собственный / семейный бизнес. Напротив, переходы на посты наемных сотрудников и в крупные компании из последних созывов особенно редки. Представляется, что на востребованности депутатов в бизнесе могло негативно сказаться ослабление парламента, снизившее ценность связей в нем. Варьируется во времени и отраслевая структура занятости: в I созыве особенно важна роль финансовых и медиа компаний, а также АПК, а начиная с 2000-х гг. — сектора, связанного с недвижимостью и строительством.

Наконец, говоря об элитной посткарьере депутатов в целом, следует отметить, что во всех созывах лишь меньшинству (но значительно) удалось перейти на ключевые позиции в органах власти федерального / регионального уровня или в высшее руководство крупнейших компаний, сохранив элитный статус. При этом структура элитной постдумской занятости в госаппарате изменилась: если выходцы из первых созывов чаще занимали элитные позиции на федеральном уровне и в административной сфере, то выходцы из последних созывов — в основном на региональном уровне и в законодательной сфере.

Ограниченнность результатов исследования связана с использованием простейших статистических методов и отсутствием информации о посткарьере части депутатов. Задача дальнейшего исследования состоит в выяснении того, как вариация от созыва к созыву соотношения типов отставки депутатов (вынужденная / добровольная) влияет на динамику постдумской занятости (что пока нельзя сделать из-за неполноты имеющихся данных).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тев Денис Борисович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник. Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург, Россия.
Телефон: +7 (812) 316-34-36. **Электронная почта:** denis_tev@mail.ru.

Research Article

DENIS B. TEV¹

¹ The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

25/14, 7-th Krasnoarmeyskaya str., 190005, St Petersburg, Russia.

THE DYNAMICS OF POST-DUMA CAREERS IN THE POLITICAL-ADMINISTRATIVE SPHERE AND BUSINESS

Abstract. This article analyzes the career dynamics of State Duma deputies after leaving office. The empirical basis of the study is a biographical database containing information on the post-career paths of deputies of the first through seventh convocations. The study identified several post-career trends. First, there was a decrease in the share of transfers to the federal administration, including elite (particularly government) positions. Second, the frequency of transfers to the legislatures of the subjects of the Russian Federation and the Federation Council increased. Third, the predominance of private sector companies and the role of private / family businesses as a place of employment for former deputies increased, while their migration to salaried management positions and to large corporations decreased. The author concludes that the structure of elite post-Duma employment in the state apparatus has changed significantly: while former deputies from the first and second convocations most often occupied elite positions at the federal level and in administrative bodies, those from the sixth and seventh convocations primarily occupied positions at the regional level and in representative bodies. The article also examines factors influencing the dynamics of post-Duma careers, such as the weakening of the lower house of parliament in relation to the executive branch, changes in the procedures for forming the Federation Council and for recruiting regional heads, the formation of a congruent party system, the transformation of United Russia into a dominant party, the abandonment of the practice of combining positions in parliament and government, and an increase in the age of retirement from the State Duma.

Keywords: State Duma, deputies, career after leaving office, administration, regional legislative assemblies, Federation Council, business.

For citation: Tev D.B. The dynamics of post-Duma careers in the political-administrative sphere and business. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 3. P. 31–62. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.3.2>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis B. Tev — Candidate of Sociology, senior researcher. The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Phone: +7 (812) 316–34–36. **E-mail:** denis_tev@mail.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Быстрова А.С., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Глобализация в российском обществе: сб. науч. трудов / Ред. И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 99–243.
EDN: YMHGOU
Bystrova A.S., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskij A.V., Tev D.B. Rossiiskie regional'nye elity: innovatsionnyi potentsial v kontekste globalizatsii [Russian regional elites: Innovation potential in the context of globalization]. *Globalizatsija v rossiiskom obshchestve: sb. nauch. trudov* [Globalization in Russian society: Collection of scientific works] / Ed. by I.I. Eliseeva. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008. P. 99–243. (In Russ.)
2. Гладышева А.А., Кишилова Ю.О. Влияние политических связей и государственной собственности на деятельность фирм в России // Корпоративные финансы. 2018. Т. 12. № 1. С. 20–43.
<https://doi.org/10.17323/j.jcfr.2073-0438.12.1.2018.20-43>. EDN: CQPQKE
Gladysheva A.A., Kishilova Yu.O. Vliyanie politicheskikh svyazei i gosudarstvennoi sobstvennosti na deyatel'nost' firm v Rossii [The influence of political connections and government ownership on firm performance: Evidence from Russia]. *Journal of corporate finance research*. 2018. Vol. 12. No. 1. P. 20–43.
<https://doi.org/10.17323/j.jcfr.2073-0438.12.1.2018.20-43> (In Russ.)
3. Глубоцкий А.Ю., Кынев А.В. Партийная составляющая законодательных собраний российских регионов // Полис. Политические исследования. 2003. № 6. С. 71–87. EDN: EVGTUH
Glubotsky A.Yu., Kynev A.V. Partiinaya sostavlyayushchaya zakonodatel'nykh sobranii rossiiskikh regionov [The party component of legislative assemblies of Russian regions]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2003. No. 6. P. 71–87. (In Russ.)

4. Голосов Г. От пост-демократии к диктатуре: консолидация электорально-го авторитаризма в России // Новая реальность: Кремль и Голем. Что говорят итоги выборов о социально-политической ситуации в России / Ред. К. Рогов. М.: Либеральная миссия, 2021. С. 98–112.
Golosov G. Ot post-demokratii k diktature: konsolidatsiya elektoral'nogo avtoritarizma v Rossii [From post-democracy to dictatorship: Consolidation of electoral authoritarianism in Russia]. *Novaya real'nost': Kreml' i Golem. Chto govoryat itogi vyborov o sotsial'no-politicheskoi situatsii v Rossii* [New reality: the Kremlin and the Golem. What do the election results say about the socio-political situation in Russia?]. Ed. by K. Rogov. Moscow: Liberal mission, 2021. P. 98–112. (In Russ.)
5. Кынев А. Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М.: Центр «Панорама», 2009. 516 с.
Kynev A. *Vybory parlamentov rossiiskikh regionov 2003–2009: Pervyi tsikl vnedreniya proporsional'noi izbiratel'noi sistemy* [Elections of parliaments of Russian regions 2003–2009: First cycle of implementation of the proportional electoral system.] Moscow: Centr “Panorama”, 2009. 516 p. (In Russ.)
6. Тев Д.Б. Депутаты Государственной Думы РФ: особенности карьеры после прекращения полномочий // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1. С. 106–133.
<https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-106-133>. EDN: XNYZET
Tev D.B. Deputaty Gosudarstvennoi Dumy RF: osobennosti kar'ery posle prekrashcheniya polnomochii [Deputies of the State Duma of the Russian Federation: Career characteristics after the termination of office]. *Sociological review*. 2018. Vol. 17. No. 1. P. 106–133.
<https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-106-133>. (In Russ.)
7. Тев Д.Б. Члены Совета Федерации: карьера до вхождения в должность и после прекращения полномочий // Мир России. 2021. Т. 30. № 4. С. 53–78. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-4-53-78>. EDN: WCZZCP
Tev D.B. Chleny Soveta Federatsii: kar'era do vkhozhdeniya v dolzhnost' i posle prekrashcheniya polnomochii [Members of the Federation Council: Careers before taking office and after resigning]. *Mir Rossii = Universe of Russia*. 2021. Vol. 30. No. 4. P. 53–78.
<https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-4-53-78>. (In Russ.)
8. Тев Д.Б. Депутаты фракций Единой России и КПРФ в Государственной Думе: сравнительный анализ карьеры после ухода с должности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 217–238.
<https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2248>. EDN: XZFPCTC

- Tev D.B. Deputaty fraktsii Edinoi Rossii i KPRF v Gosudarstvennoi Dume: sravnitel'nyi analiz kar'ery posle ukhoda s dolzhnosti [Deputies of the United Russia and CPRF fractions in the State Duma: A comparative analysis of careers after leaving office]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2023. No. 4. P. 217–238.
[https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2248.](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2248) (In Russ.)
9. Тев Д.Б. Депутаты Государственной Думы РФ: динамика занятости в политico-административной и коммерческой сферах после ухода с должности // Мир России. 2025. Т. 34. № 1. С. 31–56.
[https://doi.org/10.17323/1811-038X-2025-34-1-31-56.](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2025-34-1-31-56) EDN: DNWNUC
Tev D.B. Deputaty Gosudarstvennoi Dumy RF: dinamika zanyatosti v politiko-administrativnoi i kommercheskoi sferakh posle ukhoda s dolzhnosti [Deputies of the Russian State Duma: The dynamics of employment in the political-administrative and commercial spheres after leaving office]. *Mir Rossii = Universe of Russia*. 2025. Vol. 34. No. 1. P. 31–56.
<https://doi.org/10.17323/1811-038X-2025-34-1-31-56> (In Russ.)
10. Толстых П.А. GR: Полное руководство по разработке государственно-управленческих решений, теории и практике лоббирования: монография. М.: Пере, 2019. 1246 с.
Tolstykh P.A. GR: *Polnoe rukovodstvo po razrabotke gosudarstvenno-upravlencheskikh reshenii, teorii i praktike lobbirovaniya: monografiya* [GR: A complete guide to the development of public management decisions, theory and practice of lobbying: monograph.] Moscow: Pero, 2019. 1246 p. (In Russ.)
11. Шириков А. Анатомия бездействия: Политические институты и конфликты в бюджетном процессе регионов России. Серия: Труды факультета политических наук и социологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2010. 276 с.
Shirikov A. *Anatomiya bezdeistviya: Politicheskie instituty i konflikty v byudzhetnom protsesse regionov Rossii. Seriya: Trudy fakul'teta politicheskikh nauk i sotsiologii* [Anatomy of inaction: Political institutions and conflicts in the budgeting process of Russian regions.] St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge publ., 2010. 276 p. (In Russ.)
12. Baturo A., Arlow J. Is there a 'revolving door' to the private sector in Irish politics? *Irish political studies*. 2017. Vol. 33. No. 3. P. 381–406.
[https://doi.org/10.1080/07907184.2017.1365709.](https://doi.org/10.1080/07907184.2017.1365709)
13. Borchert J. Individual ambition and institutional opportunity: a conceptual approach to political careers in multi-level systems. *Regional & federal studies*. 2011. Vol. 21. No. 2. P. 117–140.
[https://doi.org/10.1080/13597566.2011.529757.](https://doi.org/10.1080/13597566.2011.529757)

14. Byrne C., Theakston K. Leaving the house: The experience of former members of parliament who left the House of Commons in 2010. *Parliamentary affairs*. 2016. Vol. 69. No. 3. P. 686–707. <https://doi.org/10.1093/pa/gsv053>.
15. Cerrillo-i-Martínez A. Beyond revolving doors: The prevention of conflicts of interests through regulation. *Public integrity*. 2017. Vol. 19. No. 4. P. 357–373. <https://doi.org/10.1080/10999922.2016.1225479>.
16. Chaisty P. The Preponderance and effects of sectoral ties in the State Duma. *Europe-Asia studies*. 2013. Vol. 65. No. 4. P. 717–736. <https://doi.org/10.1080/09668136.2013.767605>.
17. Claessen C., Bailer S., Turner-Zwinkels T. The winners of legislative mandate: An analysis of post-parliamentary career positions in Germany and the Netherlands. *European journal of political research*. 2021. Vol. 60. No. 1. P. 25–45. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12385>.
18. Diermeier D., Keane M., Merlo A. A political economy model of congressional careers. *American economic review*. 2005. Vol. 95. No. 1. P. 347–373. <https://doi.org/10.1257/0002828053828464>.
19. Eggers A.C., Hainmueller J. MPs for sale? Returns to office in postwar British politics. *American political science review*. 2009. Vol. 103. No. 4. P. 513–533. <https://doi.org/10.1017/S0003055409990190>.
20. Golosov G.V. Legislative turnover and executive control in Russia's regions (2003–2014). *Europe-Asia studies*. 2017. Vol. 69. No. 4. P. 553–570. <https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1337871>.
21. Hillman A.J. Politicians on the board of directors: Do connections affect the bottom line? *Journal of management*. 2005. Vol. 31. No. 3. P. 464–481. <https://doi.org/10.1177/0149206304272187>.
22. Herrick R., Nixon D.L. Is there life after Congress? Patterns and determinants of post-congressional careers. *Legislative studies quarterly*. 1996. Vol. 21. No. 4. P. 489–499. <https://doi.org/10.2307/440458>.
23. Huskey E. *Presidential power in Russia*. Armonk; London: M.E. Sharpe, 1999. 295 p.
24. Luechinger S., Moser C. The value of the revolving door: Political appointees and the stock market. *CESifo working paper*. No. 3921. 2012. Accessed 07.12.2016. URL: http://www.cesifo-group.de/portal/page/portal/DocBase_Content/WP/WP-CESifo_Working_Papers/wpcesifo-2012/wp-cesifo-2012-08/cesifo1_wp3921.pdf.
25. Quaresirria F., Santolini R., Fiorillo F. Political affiliation in post-parliamentary careers in Italian public enterprises. *German economic review*. 2020. Vol. 21. No. 1. P. 35–64. <https://doi.org/10.1515/ger-0016-0019>.

-
26. Ross C., Turovsky R. The representation of political and economic elites in the Russian Federation Council. *Demokratizatsiya: The journal of post-soviet democratization*. 2013. Vol. 21. No. 1. P. 59–88.
  27. Salisbury R.H., Johnson P., Heinz J.P., Laumann E.O., Nelson R.L. Who you know versus what you know: the uses of government experience for Washington lobbyists. *American journal of political science*. 1989. Vol. 33. No. 1. P. 175–195. <https://doi.org/10.2307/2111258>.
  28. Samuels D. *Ambition, federalism, and legislative politics in Brazil*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 248 p.
  29. Semenova E. The patterns of political career movements in the Russian Federation: The case of regional governors, 1991–2021. *Regional & federal studies*. 2025. Vol. 35. No. 3. P. 417–436. <https://doi.org/10.1080/13597566.2022.2155811>.
  30. Shirikov A. Who gets ahead in authoritarian parliaments? The case of the Russian State Duma. *The journal of legislative studies*. 2022. Vol. 28. No. 4. P. 554–577. <https://doi.org/10.1080/13572334.2021.1940435>.
  31. van der Vlist D. Parliament as a steppingstone? Patterns of postparliamentary careers in The Netherlands between 1967 and 2017. *Acta politica*. 2024. Vol. 59. P. 245–262. <https://doi.org/10.1057/s41269-023-00291-w>.
  32. Würfel M. Life after the Bundestag: An analysis of the post-parliamentary careers of German MPs. *German politics*. 2018. Vol. 27. No. 3. P. 295–316. <https://doi.org/10.1080/09644008.2017.1344642>.